

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОРМЫ ПРАВА

М.Г. Потапов^{1,2}, канд. юрид. наук, канд. ист. наук, доцент

¹Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

²Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-256-266

Аннотация. Определение понятия нормы права является одним из основных вопросов юридической науки, поскольку является значимым правовым средством регулирования общественных отношений. Однако предлагаемые учёными определения нормы права неоднозначны не только по их ключевым словам, но и по характеристикам (свойствам) данного явления. Попытки учёных сформулировать чёткое определение нормы права по-прежнему остаются актуальными и дискуссионными среди исследователей. В статье показаны неоднозначные подходы авторов к определению понятия нормы права. Основная задача настоящей работы заключается в анализе существующих подходов к определению нормы права, выявлении его смыслового содержания. Показано, что исследователи определяют норму права по главным членам предложений неоднозначно: правило поведения; предписание; веление; установление, что не может не осложнять правовое регулирование общественных отношений. При всех различиях в суждениях авторов о понимании нормы права они касаются закреплённого порядка действий и поступков людей, и потому в содержании данных терминов не может не идти речь о их правах и обязанностях, поскольку именно последние составляют или образуют так называемое «ядро», «зерно» этих правил поведения, предписаний, велений и установлений. В этой связи весьма важным являются вопросы понимания прав и обязанностей субъекта, которые представляют собой соответственно меру дозволенного, возможного или должного, необходимого поведения, и которые в свою очередь также имеют смысловую нагрузку. Сделан вывод о том, что норма права представляет собой правило поведения, означающее установленный порядок действий и поступков субъекта, которые основываются на его юридических правах, свободах и обязанностях, проявляющиеся в мере возможных, дозволенных, должных или необходимых деяний, имеющие пределы, границы своей реализации и закреплённые в предложении, совокупность которых составляет текст нормативного правового акта.

Ключевые слова: норма права; правило поведения; предписание; веление; установление; права и обязанности; мера возможного; дозволенного; должного и необходимого поведения.

Актуальность темы обусловлена значением норм права во многих сферах жизнедеятельности общества и государства, поскольку, являясь правовыми средствами (инструментами), позволяют субъектам: 1) регулировать и упорядочивать общественные отношения; 2) удовлетворять законные их потребности и интересы; 3) устранять противоречия «.. между естественными ожиданиями людей, фактическими условиями жизни и целевыми установками законодателя» [24]; 4) обеспечивать правовой порядок, государственную и общественную безопасность. Вместе с тем понимание нормы права в юридической литературе определяется авторами неоднозначно.

Если обратить внимание на главные члены предложений в приведённых определениях понятия нормы права, то можно увидеть, что норма права это: 1) правило поведения [1, с. 286; 9, с. 804; 25, с. 159]; 2) предписание [5; 30]; 3) веление [4, с. 369; 7; 15, с. 110; 21, с. 28]; 4) установление [13; 18; 33]. Однако, что понимать под этими терминами, какую они имеют смысловую нагрузку?

Исследователь А.В. Краснов рассматривает термин «правило поведения» в двух основных значениях. В первом, «узком» смысле, правило поведения трактуется им как определённый масштаб, образец поведения, который находит своё отражение в диспозиции и, ча-

стично, в санкции нормы права, будучи закреплённым в различных элементах правовой нормы. Во втором, «широком» значении, правило поведения, по мысли автора, предстаёт как модель действий субъекта, которая учитывает не только условия осуществления этих действий, но и правовые последствия, наступающие как при их совершении, так и при несовершении (нарушении) [21, с. 15]. В этих своих суждениях А.В. Краснов, во-первых, не раскрывает смысловое содержание (понимание) правила поведения, его «масштаб», «образец» или «модель действий», во-вторых, соотносит эти правила, «масштабы», «образцы», «модели» с элементами нормы права, что представляется некорректным, поскольку гипотеза, диспозиция и санкция являются логической структурой нормы права, а сама норма внешне, как словесная структура, выражается в тех либо иных видах предложений совокупность которых составляет текст нормативного документа. Видимо именно поэтому А.В. Краснов пришёл к выводу, что «.. при рассмотрении нормы права как правила поведения мы сталкиваемся с некоторой терминологической неопределённостью, вызванной многоаспектностью используемых понятий» [21, с. 16].

По мнению В.М. Шафирова, «.. норма права складывается из двух разновидностей правил: 1) норма предписание (обязывающие и запрещающие нормы), 2) норма предложение (управомочивающие нормы)» [41]. Однако В.М. Шафиров не раскрывает смысловое содержание этих правил – нормы предписание, обозначая их обязывающими и запрещающими, и нормы предложения, обозначая их управомочивающими нормами. Здесь, с одной стороны, просматривается тавтология: норма – правило, правило – норма, с другой стороны, речь идёт о норме предписании и норме предложении, которые являются не правилами, а видами норм: обязывающие, запрещающие и управомочивающие [41], или способами правового регулирования [2; 17, с. 138].

Рассматривая термин «правило поведения» очевидно, что он состоит из двух слов «правило» и «поведение», каждое из которых имеет своё смысловое содержание. Слово «правило» имеет несколько значений: 1) «.. отправное положение, установка (курсив – П.М.), лежащее в основе чего-либо;

принцип, служащий руководством в чём-либо»; 2) «норма поведения», принятый кем-либо образ мыслей, *действий* (курсив – П.М.); обыкновение, привычка» [6, с. 952; 11]; 3) «.. постановление, предписание, устанавливающее *порядок* (курсив – П.М.) чего-либо» [12, 34, с. 614]. В философии под установкой понимается «.. состояние готовности, предрасположенности субъекта к определённой активности в определённой ситуации» [36], а порядок означает ясную и чёткую организацию «.. какой-либо сферы действительности (в отношении человеческого существования, например, его позитивные нравственные свойства» [14].

Порядок – это состояние организованности, дисциплины и последовательности действий людей в обществе. Это система, структура или метод организации вещей таким образом, чтобы обеспечить стабильность, эффективность и предсказуемость социальных процессов. Порядок в отношениях между людьми – это совокупность норм и правил, обеспечивающих гармоничное взаимодействие, взаимопонимание и уважение друг друга. Это состояние, при котором отношения между людьми характеризуются предсказуемостью, стабильностью и ясностью ожиданий сторон. Учитывая обозначенные трактовки, полагаем, что под словом «правило» можно понимать установленный порядок в отношениях между людьми и соответствующая ему последовательность действий субъекта.

Между тем нет однозначных суждений и по смыслу слова «поведение»: 1) «.. присущее живым существам *взаимодействие* (курсив – П.М.) с окружающей средой, включающее их двигательную активность и ориентацию по отношению к этой среде» [20]; 2) «.. *процесс взаимодействия живых существ* (курсив – П.М.) со средой с целью приспособления к ней и (у человека) её активного изменения» [28]; 3) «.. имеющая природные предпосылки, но в основе своей социально обусловленная *деятельность* (курсив – П.М.), типичной формой которой является труд, придающий психические регуляции человека» [36, с. 504]; 4) «.. *совокупность* внешне наблюдаемых *поступков и действий* (курсив – П.М.) отдельных индивидов и их групп, их определённую направленность и последовательность, так или иначе затрагивающих ин-

тересы других людей, социальных групп, социальных общностей или всего общества» [29]. На наш взгляд поведение – это действия и поступки человека в процессе своей жизнедеятельности.

Таким образом, под правилом поведения понимается установленный порядок действий и поступков человека, которые основываются на его правах и обязанностях. Следовательно, правило поведения – это установленные права и обязанности, которые определяют пределы действий и поступков человека. Правило поведения состоит из соотношения, корреляции взаимных прав и обязанностей субъектов, поскольку сами по себе права и обязанности в «отрыве» друг от друга реально существовать не могут, иначе они декларативны, фиктивны. Необходимо учитывать, что «.. субъективные права и юридические обязанности, установленные в правовой норме, корреспондируются: выполнение обязанностей одной стороной влечёт использование прав другой стороной. Вот почему можно назвать благими пожеланиями те права, которые не обеспечены реальными обязанностями соответствующих лиц» [17, с. 133].

Авторы определения нормы права по его ключевому слову «предписание» пишут, что это вид правила поведения или «отправного» установления, регулирующее общественные отношения; имеет свойство нормативности; рассчитанное на многократное применение [5; 10]. Иного мнения придерживается исследователь С.В. Фомина, которая определяет «предписание» как одно из средств (методов) правового регулирования общественных отношений, заключающееся в возложении на субъекта юридической обязанности по совершению им определённых действий, предусмотренных нормой права [37].

Таким образом, предписание может иметь нормативное и правоприменительное значение. В первом случае оно будет правилом поведения, включающим права и обязанности должностного лица по составлению и оформлению правоприменительного акта, в другом – документом управомоченного субъекта, предписывающим контрагенту исполнения его обязанностей по устранению выявленных нарушений.

Определяя норму права по его главному члену предложения «веление», исследователи

говорят, что это предписание, регулирующее общественные отношения [4], а об «установлении» как о виде «особых» правил поведения и иных средств, с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений [33]. В этой связи можно согласиться с мнением А.А. Васечко о том, что многие так называемые ею «внутригосударственные» нормы права представляют собой правила поведения, являющиеся властными предписаниями, велениями, устанавливающие «.. определённый образ действия субъектов» [8].

Таким образом, при всех различиях в суждениях авторов о понимании нормы права в части её ключевых слов: «правило поведения», «предписание», «веление», «установление» по своему смысловому значению касаются закреплённого порядка действий и поступков людей, и потому в содержании данных терминов не может не идти речь о их правах и обязанностях, поскольку именно они составляют или образуют так называемое «ядро», «зерно» этих правил поведения, предписаний, велений и установлений. В этой связи весьма важным является вопрос понимания прав и обязанностей субъекта.

Исследователи в общем однозначно определяют понятие субъективного юридического права как установленной в норме права меры возможного, дозволенного поведения субъекта [3, с. 114; 17; 32; 40]. Проф. Р.О. Халфина обозначает две точки зрения в понимании сущности субъективного права. Одна из них определяет его сквозь призму возможности требования управомоченным лицом от обязанных лиц определённых действий или воздержания от действий. Однако проф. Р.О. Халфина при этом замечает, что такое понимание не учитывает особенностей поведения самого обладателя права. Другая точка зрения, по мнению автора, фокусируется именно на положении субъекта права, подчёркивая, что субъективное право представляет собой гарантированную законом меру возможных действий данного лица. Согласно этому взгляду, субъективное право становится основой для реального поведения индивида, превращаясь из потенциального (абстрактного) в фактическое (реальное) поведение согласно его собственной воле. Несмотря на кажущееся расхождение этих точек зрения,

проф. Халфина утверждает, что оба подхода дополняют друг друга, отображая различные грани субъективного права как социального феномена [38, с. 226-227]. В этих своих суждениях автор не раскрывает смысловое значение меры дозволенного, возможного поведения субъекта.

По мнению проф. В.Д. Первалова: «Мера означает границу, предел проявления чего-нибудь» [32].

Вместе с тем, применительно к субъективному юридическому праву, мера возможного, дозволенного поведения может означать: 1) допустимый предел свободных деяний (действий, бездействий) человека по его собственному усмотрению. Проф. С.С. Алексеев полагал, что: «Слово «мера» при определении субъективного права означает, что закреплённые за лицом юридические возможности не безграничны, они чётко обозначены по содержанию, в этих границах лицо может строить своё поведение» [3, с. 114]; 2) «.. вид и размер возможного поведения» [32].

На наш взгляд, термин «мера» применительно к дозволенному, возможному, допустимому, разрешённому поведению субъекта может быть раскрыт в трёх значениях:

1) мера как соотношение потребностей и возможностей субъекта. В данном контексте мера отражает связь между желаемым интересом и реально допустимым поведением субъекта, и наоборот. Иллюстрацией служит ситуация, когда субъект желает приобрести дом, но он не располагает необходимыми средствами, либо он имеет средства на покупку козы, но такое приобретение не входит в сферу его интересов. Здесь материальные возможности субъекта корректируют его желания. Мера возможного, дозволенного поведения субъекта можно также представить в качестве диалектического единства и противоречия в его потребностях и возможностях. В этом случае мера фиксирует корреляцию между интересом (стремлением, желанием) субъекта и объективно обусловленными его возможностями, границами поведения, и наоборот. Примером выступает ситуация, когда стремление субъекта к обладанию определённым материальным благом ограничено его экономическими ресурсами или их отсутствие не порождает у субъекта соответствующего интереса. В иных правоотношениях, напри-

мер, при создании произведений литературы, науки или искусства, на первый план выходят интеллектуальные устремления и способности субъекта в создании творческого продукта, который может иметь положительные и отрицательные качества, характеристики. В сферах, связанных с интеллектуальной или творческой деятельностью (например, научное или художественное творчество), доминирующим становится соотношение внутренних способностей, мотивации и ценностных ориентаций субъекта, которые и выступают в качестве определяющих возможностей;

2) мера как качественная и количественная характеристика дозволенного. Здесь «мера» определяет, во-первых, вид дозволенного действия (например, право работника на получение зарплаты или на оформление отпуска), а во-вторых, его размер (конкретная сумма денежного вознаграждения за труд или установленное количество дней отдыха). Мера возможного поведения субъекта можно также представить в качестве интегральной характеристики дозволенного, включающую качественные и количественные параметры. Здесь «мера» определяет: а) качественный аспект: вид субъективных прав или дозволенных действий субъекта (например, право на труд, на отдых, на создание результата интеллектуальной деятельности); б) количественный аспект: конкретные пределы или объём такого дозволения (размер оплаты труда, продолжительность отпуска, объём выделяемых ресурсов);

3) мера как степень свободы собственного усмотрения (самоопределения) субъекта. В этом значении мера представляет собой определённый уровень автономности, самостоятельности субъекта при выборе им варианта правомерного поведения (действия или бездействия). К примеру, покупатель вправе по своему усмотрению выбрать и приобрести понравившуюся вещь в магазине, но может и отказаться от покупки. Решение в данном случае принимается исключительно на основе его собственной воли.

Таким образом, применительно к субъективному праву термин «мера» выполняет инструментальную роль в конкретизации правовых возможностей и дозволений, выступая неким «медиатором» между абстрактной нормой, её «моделью», «образцом» и индивидуальным поведением субъекта, и отражает

динамическое соотношение между интересами, стремлениями, желаниями субъекта, объективными условиями их реализации и параметрами, критериями правового регулирования общественных отношений.

В соответствующих источниках информации также прослеживается консенсус авторов относительно дефиниции юридической обязанности, которая традиционно трактуется как предусмотренная нормой права мера должного (необходимого, требуемого) поведения субъекта [3, с. 125-126; 17, с. 191; 39]. Тем не менее, исследователи не раскрывают смыслового значения и содержательное наполнение категории «меры должного поведения», что требует дополнительного анализа и уточнения. Концептуально мера должного поведения субъекта может быть определена в трёх основных аспектах:

1) мера как релятивный (сравнительный, сопоставительный) критерий в соотношении между требуемым и фактическим исполнением должного, между требуемым стандартом (нормой) и реальным исполненным действием. Иными словами, это степень соответствия результата деятельности предъявляемым требованиям. В данном контексте мера должного поведения выступает в качестве критерия соответствия между предписанными нормами (стандартами качества, сроками) и реальными действиями субъекта. Например, оценка выполнения работником трудовых функций с точки зрения соблюдения стандартов качества и установленных сроков;

2) мера как количественно-видовой критерий должного поведения субъекта, который конкретизируется через: а) вид (форму) должного поведения – характер предписанного действия. Например, обязанность работодателя выплатить заработную плату или предоставить отпуск; б) размер (объём) должного поведения – его количественное выражение. Например, конкретный размер денежного вознаграждения или установленное количество дней отдыха, подлежащих предоставлению;

3) мера как функционально-ограничительный критерий, как степень социально полезной активности субъекта и предел допустимого ограничения его свободы. Данный аспект характеризуется двойственной природой: с одной стороны, это степень необходимой ак-

тивности, выражающаяся в совершении социально полезных и правомерных действий (например, своевременная уплата налогов, внесение коммунальных платежей, целевое использование жилого помещения, оплата проезда), с другой стороны, это мера ограничения свободы выбора, определяющая границы допустимого поведения. Она проявляется в необходимости соблюдения установленных запретов и воздержания от действий, способных причинить вред. Например, обязанность участника дорожного движения подчиняться сигналам светофора, недопустимость сквернословия или причинения морального и материального вреда иным субъектам правоотношений.

Норма права, закреплённая в нормативном правовом акте, представляет собой предложение, содержащее абстрактную структуру правового отношения, включая его субъектный состав, объект и содержание по субъективным юридическим правам и обязанностям, и потому является «моделью», «образцом» таких отношений. В реальном, практическом правовом отношении эта модель конкретизируется и реализуется. По мнению проф. Р.О. Халфиной, общая юридическая норма обретает своё действительное существование лишь тогда, когда она реализуется в конкретной ситуации, определяющей поведение участников правовых отношений [38, с. 217]. Эти субъекты либо проявляют собственную волевую активность, обусловленную нормами, либо испытывают последствия своих действий. Таким образом, норма права, изначально имеющая общий характер, превращается в элемент конкретного правоотношения посредством юридических фактов. Это соотношение абстрактной конструкции субъективных прав и обязанностей с их реальной юридической реализацией в рамках конкретных общественных отношений помогает выявить уровень правовой регламентации данных отношений. Важно отметить, что такая модель не предполагает априорной точности соответствия теоретической конструкции реальности. Напротив, исследование практических последствий применения правовых норм позволяет выявлять дефекты и видеть направления дальнейшего их совершенства в тексте правового документа и его эффективной реализации в отношениях между субъектами [38,

с. 259]. Следовательно, субъективные юридические права и обязанности, и в «абстрактной модели» (норме права), и в реальных, фактических условиях правового отношения, являются так называемыми его «двумя полюсами» «.. как взаимной юридической связи», в которой управомоченный «носитель возможности» может совершать «известные» дозволенные действия, а правообязанный должен их исполнять. Если субъективное юридическое право не обеспечено юридической обязанностью, и по «модели», и реально, фактически, то в этом случае оно (это право) будет фикцией, декларацией, и по сути, не будет являться субъективным правом, а составлять «пустую» «.. дозволенность (разрешённость, незапрещённость), которая вытекает из действующего в обществе правопорядка по принципу «что не запрещено, то разрешено» [17, с. 191], т.е. определённую меру свободы действий.

Термин «свобода» также определяется исследователями неоднозначно: 1) «.. личная *независимость* (курсив – П.М.) людей в сфере действия общеобязательной нормы» [19]; 2) «.. отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собою по собственному усмотрению ..; *возможность действовать* (курсив – П.М.) в какой-либо области без ограничений, запретов, беспрепятственно ..» [6, с. 1161]; 3) «.. *способность человека действовать* (курсив – П.М.) в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости» [36, с. 595]; 4) «.. возможность *проявления субъектом воли* (курсив – П.М.) в условиях осознания законов развития природы и общества» [34, с. 614]. Однако, независимость человека; его возможность проявлять волю и действовать по своему усмотрению, исходя из требований норм права, являются не абсолютными, а ограниченными дозволениями поскольку они должны не нарушать прав и свобод других субъектов. Действительно свобода одного человека размахивать руками кончается, ограничивается, «останавливается» у кончика носа другого субъекта; свобода слова одного человека должна заканчиваться его мыслью об оскорблении, уничтожении другого субъекта или там, где она начинает причинять или с высокой вероятностью может причинить конкретный, значительный

вред правам, безопасности, чести, достоинству или репутации другого человека или общества в целом, в противном случае речь может идти о свободе совершать правонарушения, что исключается в цивилизованном обществе.

В рамках анализа антропологических и политико-правовых концепций отмечается, что в условиях демократического устройства общества неограниченная реализация прав и свобод, лишённая сдерживающих духовно-нравственных оснований, может приводить к последствиям, противоположным их гуманистическому предназначению. Как подчёркивается в научной литературе, подобная ситуация «.. не только не возвышает человека в его достоинстве, но часто служит одним из эффективных средств его духовно-нравственного разложения и унижения» [27]. Данный тезис находит своё развитие в работах проф. А.И. Осипова, который акцентирует внимание на ценностном измерении свободы. По мнению исследователя, свобода деятельности, вероисповедания, «.. слова, печати и проч., не подчинённые идее любви к человеку», утрачивает свой конструктивный потенциал. В результате она «оказалась большей частью в плену порока, «золотого тельца» и других идолов», трансформируясь из общественного блага в деструктивный инструмент. Отсутствие духовно-нравственных императивов, таким образом, создаёт предпосылки для использования правовых дозволений в качестве «узаконенного орудия зла», инструмента пропаганды девиантных, извращённых форм поведения и насилия [22].

Необходимо проводить грань различий между добром и злом, хорошим и плохим, правдой и ложью (обманом, кривдой), нравственностью и безнравственностью, справедливостью и несправедливостью, благодушием и ненавистью, свободой и рабством, оскорблением и допустимой критикой, честью и бесчестьем, разжиганием ненависти и допустимым высказыванием, правом и бесправием, правами и обязанностями, личным и публичным, долгом и желанием, ответственностью и безответственностью. В нормах права должны быть отражены терминологические различия и смысловая нагрузка приведённых терминов. Есть ли в нормах права определения понятий этим терминам, которые бы поз-

воляли проводить грань различий между ними?

В названных независимостях, возможностях и дозволениях весьма важное значение имеют не только нормы права, но и разум, рассуждения и совесть человека, уровень его сознания, воспитания и культуры. Так, с одной стороны, по мнению В.И. Ленина: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя... В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной» [16]. С другой стороны: «Свобода, которая не ограничена любовью, пишет проф. А.И. Осипов, страшна... Она закономерно превращается в свободу страстей, в произвол, поскольку жизнь без любви и тем более вопреки ей есть ненормальность, беззаконие или грех» [23].

В процессе правового регулирования общественных отношений необходимо разграничивать пределы допустимого (мера возможного поведения) и должного (мера необходимого поведения). Ключевым условием эффективной реализации правовых норм выступает гармоничная корреляция данных категорий. Отсутствие их чёткой дифференциации нивелирует возможность разграничения прав и обязанностей, что на практике детерминирует принятие ошибочных решений в ходе межсубъектных взаимодействий. Указанная проблематика приобретает особую актуальность применительно к регламентации общих, должностных и специальных прав и обязанностей военнослужащих.

Проблема конвергенции (совмещения) прав и обязанностей у одного и того же субъекта, по одному и тому же вопросу уже обозначалась автором в одной из своих публикаций [26]. В частности, в рамках исследования дисциплинарно-правовых отношений между военнослужащими особое внимания заслуживает анализ положений Дисциплинарного устава Вооружённых Сил Российской Федерации (далее – ДУ), регламентирующих полномочия командира (начальника) по вопросу поощрения личного состава. Изучение текста ДУ выявляет определённую нормативную бинарность (двойственность) в определении природы данных полномочий. С одной стороны, в статьях 21-25 ДУ закреплены меры по-

ощрения как субъективное право командира, реализуемое по его собственному усмотрению (дискреционные полномочия). С другой стороны, в статье 17 ДУ указана обязанность командира использовать поощрительные меры по отношению к подчинённым военнослужащим, поскольку своевременное и обоснованное поощрение рассматривается как элемент его воспитательной и дисциплинарной функции. Подобная дуалистическая регламентация порождает научно-правовую неопределённость в правах и обязанностях: является ли поощрение подчинённых правом командира или это его обязанность? Если поощрение – это право командира, то его реализация зависит от его усмотрения. Если же поощрение подчинённых – это обязанность командира, то её невыполнение при наличии законных оснований должно квалифицироваться как дисциплинарный проступок, влекущий установленную законом юридическую ответственность. Представляется, что разрешение обозначенной коллизии требует исключения правовой двойственности. Для обеспечения единообразия правоприменительной практики и чёткого понимания пределов должностных полномочий необходимо однозначное нормативное закрепление данного института: поощрение подчинённых должно быть определено либо как дискреционное право командира, либо как его безусловная юридическая обязанность.

В соответствии со ст. 13 Устава внутренней службы (далее – УВС) военнослужащие в соответствии с законодательством *могут* (курсив – П.М.) применять оружие лично, а командиры (начальники) *приказать* (курсив – П.М.) подчинённым применить оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости для отражения вооружённого нападения на охраняемые государственные и военные объекты, а также на расположения воинских частей. В этом предложении слово «могут» означает не обязанность, а право применять оружие, т.е. допускается вариант его неприменения. И если в данном случае оружие не применено, то возникает ряд вопросов – почему оружие не применено и наступит ли юридическая ответственность за нереализацию, неиспользование такого права, поскольку обязанности применения оружия

нет? Иначе обстоит с правом командира отдать приказ подчинённым применить оружие. Здесь, с одной стороны, приказ это распоряжение командира (начальника), обращённое к подчинённым, требующее *обязательного* (курсив – П.М.) выполнения определённых действий; исполнения военнослужащим обязанности беспрекословно его выполнять (абзац 4 ст. 16, статьи 34, 39 УВС), с другой, ст. 332 Уголовного кодекса РФ (далее – УК) установлена уголовная ответственность за неисполнение подчинённым приказа начальника. При этом приказ признается таковым, если судом будет установлено, что он соответствует законам и другим нормативным правовым актам (по содержанию, цели и средствам исполнения), требования, содержащиеся в нем, связаны с военной службой, а также соблюдены форма, условия и порядок (процедура) его отдачи в письменном виде, устно или по техническим средствам связи одному или группе военнослужащих, что предусмотрено п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

Необходимо также учитывать, что лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения, несёт уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность (ч. 2 ст. 42 УК). Заведомо незаконным приказом начальника считается приказ, направленный на совершение преступления или нарушение законодательства Российской Федерации либо не имеющий отношения к исполнению обязанностей военной службы при условии осознания этих обстоятельств подчинённым, что закреплено в абз. 4 п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

В действующем законодательстве просматривается неопределённость в дифференциации прав и обязанностей в структуре полномочий должностных лиц. Фактически права в данном контексте одновременно выступают в качестве обязанностей, а обязанности — в качестве прав, что создаёт предпосылки для

их неоднозначного (произвольного) толкования. Подобная нормативная неопределённость предоставляет самим должностным лицам возможность интерпретировать объем собственных полномочий на основе субъективного усмотрения: в зависимости от личного понимания и конкретной ситуации одни и те же предписания могут расцениваться либо как субъективные права, либо как юридические обязанности. Указанное обстоятельство оказывает непосредственное влияние на процесс принятия решений и может выступать фактором, способствующим нарушению как общего принципа юридического равенства, так и специфики военно-правовых отношений, в особенности касающейся баланса прав и обязанностей между командирами (начальниками) и их подчинёнными.

В нормативных правовых актах существуют также и другие правовые неопределённости в правах и обязанностях субъектов. Так, по ч. 1 ст. 7 Конституции РФ политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Создание таких условий – это право или обязанность государства, и что понимать под этими условиями? Если это право государства по созданию обозначенных условий, то его органы могут создавать либо не создавать этих условий, если это их обязанность, то должна быть установлена юридическая ответственность за её невыполнение либо ненадлежащее выполнение.

В качестве примера неопределённости в правах и обязанностях субъектов можно также привести раздел третий Семейного кодекса РФ, который называется права и обязанности супругов, но его главы и статьи касаются равенства супругов, права выбора их фамилии при заключении брака, «режима» имущества и ответственности по их имущественным обязательствам. Здесь о правах и обязанностях супругов речь не идёт.

Следует констатировать, что правовая неопределённость в разграничении прав и обязанностей субъектов, а также одновременное закрепление за одним и тем же лицом и прав, и обязанностей в отношении одного и того же предмета правового регулирования, по своей сути нивелирует саму юридическую конструкцию правоотношения, построенную по принципу «управомоченный – обязанный». В

подобной ситуации правоотношение не возникает и не может возникнуть, поскольку, с одной стороны, исключается возможность дозволенного поведения в отношении самого себя, а с другой – утрачивается исполнимость должностования, обращённого к себе же. Фактически реализация соответствующих прав и обязанностей ставится в исключительную зависимость от субъективного усмотрения, что порождает состояние правовой неопределённости.

Учитывая изложенное полагаем что, норма права представляет собой правило поведения, означающее установленный порядок действий и поступков субъекта, которые основываются на его юридических правах, свободах и обязанностях, проявляющиеся в мере соответственно возможных, дозволенных или должных, необходимых деяний, имеющие пределы, границы своей реализации и закреплённые в предложениях, совокупность которых составляет текст нормативного правового акта.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах, Т I. – М.: Юрид. Лит., 1982.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. 2. – М.: Юрид. Лит., 1982.
4. Бабаев В.К. Глава 20. Нормы права / Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 1999.
5. Байтин М.И. Лекция 13. Нормы права / Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 1997.
6. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000.
7. Бошно С.В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. – 2014. – № 4.
8. Васечко А.А. Норма права как юридическая, логическая и грамматическая конструкция // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1.
9. Варламова Н.В. Правовая норма / Юридическая энциклопедия. Под ред. Б.Н. Топорнина. – М.: «Юрист», 2001.
10. Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике: словарь-справочник / сост. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор [и др.]. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.novosibirsk.izbirkom.ru/upload/iblock/5bc/glossariy_yuridicheskikh_terminov.pdf.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. Т. 3. – М.: «ТЕРРА», 1994.
12. Добрынин Н.М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства. – Новосибирск: Наука, 2012.
13. Илалутдинов А.И. Современное понимание нормы права и её структуры в контексте обеспечения единства судебной практики // Научный Татарстан. – 2010. – № 1.
14. Краткая философская энциклопедия. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Энциклопедия», 1994.
15. Красников Н.И., Шишкина Н.В. Теория государства и права: учеб, пособие. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014.
16. Ленин В.И. С чего начать? Партийная организация и партийная литература. О характере наших газет. – М.: Политиздат, 1972.
17. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – М.: Юристъ, 2004.
18. Миронов В.О., Зин Н.В. Понятие и структура нормы права // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 6(162).
19. Нерсесянц В.С. Свобода / Юридическая энциклопедия. Под ред. Б.Н. Топорнина. – М.: «Юрист», 2001.
20. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, РИПОЛ КЛАССИК, 2004.

21. Нормы права: теоретико-правовое исследование: Монография / отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов; Рос. акад. правосудия. — М.: РАП, 2014.
22. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
23. Осипов А.И. Свобода христианина, свобода Церкви и религиозная свобода // Журнал Московской Патриархии. — 2001. — № 7.
24. Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Журнал «Российское право: образование, практика, наука». — 2017. — № 5.
25. Перевалов В.Д. Глава 15. Нормы и формы (источники) права. Система права и система законодательства / Теория государства и права: Учебник для вузов / Отв. ред. В.Д. Перевалов. — М.: Норма, 2006.
26. Потапов М.Г. Проблемы кодификации военного права // Военное право. — 2025. — № 2 (90). — С. 64-65.
27. Потапов М.Г. Научно-теоретические проблемы правового регулирования защиты чести и достоинства человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 3-1 (54).
28. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Сов. Энциклопедия, 1986.
29. Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов и др. — Минск: Книжный дом, 2003. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/1157/povedenie-socialnoe.htm>.
30. Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник. — М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001.
31. Теория государства и права [Электронный ресурс]: учеб. пособие / под ред. проф. Р.Б. Головкина; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. — Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020.
32. Теория государства и права: Учебник для вузов / Отв. ред. В.Д. Перевалов. — М.: Норма, 2006.
33. Теория государства и права [Электронный ресурс]: учеб. пособие / под ред. Р.Б. Головкина; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. — Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020.
34. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. — М.: «Аделант», 2013.
35. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.И. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. — М.: Сов. Энциклопедия, 1983. — С. 708. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book140184/#page/840/mode/1up>.
36. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичёв. — М.: Сов. Энциклопедия, 1983.
37. Фомина С.В. Предписание / Юридическая энциклопедия. Под ред. Б.Н. Топорнина. — М.: «Юрист», 2001.
38. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. — М.: Юридическая литература, 1974.
39. Четвернин В.А. Обязанность юридическая / Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. — М.: Юристь, 2001.
40. Четвернин В.А. Субъективное право / Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. — М.: Юристь, 2001.
41. Шафиров В.М. Общее учение о норме права и современное (интегративное) правопонимание // Вопросы правоведения. — 2013. — № 2(18).

PROBLEMS OF DETERMINING LEGAL RULES

M.G. Potapov^{1,2}, *Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor*
**¹Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev
of the National Guard of the Russian Federation**
**²Novosibirsk Law Institute (branch) Tomsk State University
(Russia, Novosibirsk)**

Abstract. *The definition of the concept of a legal norm is one of the main issues in legal science, as it is a significant legal means of regulating social relations. However, the definitions of a legal norm proposed by scholars are ambiguous not only in terms of their keywords, but also in terms of the characteristics (properties) of this phenomenon. Attempts by scholars to formulate a clear definition of a legal norm remain relevant and controversial among researchers. This article explores the diverse approaches of authors to defining the concept of a legal norm. The main objective of this work is to analyze existing approaches to defining a legal norm and identify its semantic content. It has been shown that researchers define the rule of law ambiguously in terms of the main members of sentences: a rule of conduct; an instruction; a command; and an establishment, which cannot but complicate the legal regulation of social relations. Despite the differences in the authors' opinions on the understanding of the rule of law, they all refer to the established order of people's actions and deeds, and therefore the content of these terms cannot help but include their rights and obligations, as these are the very things that make up or form the so-called "core" or "essence" of these rules of conduct, regulations, commands, and establishments. In this context, it is crucial to understand the rights and obligations of the subject, which represent the measure of permissible, possible, or necessary behavior, and which also carry a significant meaning. It is concluded that a legal norm is a rule of conduct that means the established order of actions and deeds of a subject, which are based on his legal rights, freedoms, and obligations, manifested in the extent of possible, permitted, due, or necessary actions, which have limits and boundaries of their implementation and are enshrined in a proposal, the totality of which constitutes the text of a regulatory legal act.*

Keywords: *legal norm; a rule of conduct; a prescription; an order; an establishment; rights and obligations; and a measure of possible; permitted; proper; and necessary behavior.*